

РОЛЬ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИВОТНЫХ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ К. ПАУСТОВСКОГО

Панова Елена Павловна, кандидат филологических наук, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, Проспект Ленина, 28, e-mail: panova_ep@mail.ru.

В статье рассматривается символическое значение образов животных – медведя, петуха, воробья, лошади – в литературной сказке К. Паустовского. Они тесно связаны с мифопоэтической традицией, что расширяет рамки художественного образа до масштабов сказочной фантастики.

Ключевые слова: сказка, К. Паустовский, лошадь, медведь, петух, воробей

ROLE OF MYTHOPOETICAL NOTION ABOUT ANIMALS IN THE LITERATURE FAIRY-TALE K. PAUSTOVSKY

Panova Elena P., D.Phil. (Philology), Volgograd Technical State University, 400005, Russia, Volgograd, Lenina av., 28, e-mail: panova_ep@mail.ru.

Symbolic meaning of image of the animals, such as a bear, a cock, a sparrow, a horse, connect mythological tradition in the literature fairy-tale of K. Paustovskiy. Artistic image expand for a scale of the fairy-tale fantasies.

Keyword: fairy-tale, K. Paustovskiy, bear, cock, sparrow, horse

В данной статье обратимся к анализу жанра литературной сказки К. Паустовского, в сказочном мире которого большую роль играют образы животных, некоторые из которых типичны для русского мифа и русской волшебной сказки (лошадь, медведь, сойка, лягушка), а некоторые не типичны (воробей, жук-носорог). Эти животные чаще всего выступают в литературных сказках К. Паустовского в роли либо волшебных помощников (лягушка, жук-носорог, лошадь, воробей), либо героев-антагонистов (сойка, медведь). При этом К. Паустовский практически не прибегает к принципу антропоморфизации (за исключением сказок «Квакша» и «Дремучий медведь»). Несмотря на обращение к сказочному жанру, К. Паустовский стремится сохранить реалистические образы животных, так как для него важно показать, как взаимосвязаны и взаимодействуют природный и человеческий миры. Обращение же автора к жанру сказки неслучайно, так как именно сказка помогает писателю возвысить и опозитивизировать эти взаимоотношения.

К. Паустовский, опираясь на народнопоэтическую традицию, создаёт в своих литературных сказках образы животных в духе славянских мифопоэтических представлений о животных. Например, в сказке «Тёплый хлеб» образ лошади относится к числу типичных мифопоэтических образов древних славян: «Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу этого конь воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет» [4, с. 115]. Оскорбить, не накормить, жестоко поступить с конём считалось преступлением. Конь в устной народной сказке обычно выступает в роли волшебного помощника, которого герой заполучает за своё доброе к нему отношение (например, «Сивка-бурка»). В сказке К. Паустовского, наоборот, обиженное Филькой животное насылет на деревню лютый мороз и смертоносную метель, потому что герой нарушил сказочный закон и тем самым активизировал тёмные разрушительные силы природы, с которыми связан конь.

В сказке «Дремучий медведь» образ медведя-вредителя не связывается с древними идеями плодородия и возрождения жизни, которые типичны для обрядовой

поэзии. К. Паустовский воссоздаёт более позднюю комическую трактовку образа медведя, принятую в русском фольклоре. Мифологические представления со временем получают бытовую окраску: «по народному преданию, медведь был, прежде всего, человеком и доказывается тем, что может ходить на задних лапах, и сходные с человеческими глаза, что любит мёд и водку» [9, с. 132]. «Медведь – это человек, превращённый колдуном в зверя» [2, с. 274]. Возможно, поэтому в сказках о животных медведь – персонаж уже комический, и в тех случаях, когда медведя убивают, это изображается юмористически, как закономерное торжество человека над глупым животным. К. Паустовский, продолжая более позднюю народную традицию, создаёт не положительный образ медведя, а более поздний, сатирический облик животного. Голодный медведь, позарившийся на телят, которых пас пастушок Петя, был с позором изгнан и посрамлён благодаря помощи его «друзей»: кусту ежевики, старой иве, шмелю, стопудовому окуню, бобрам. Возможно предположить, что они выступают в качестве волшебных помощников, которыми в сказке могут являться как растения, так и животные. Почти все упомянутые в сказке «Дремучий медведь» животные и растения встречаются в фольклоре: в обрядовых, лирических и свадебных песнях, сказках, приметах, поверьях и т.д.

Растительный мир, а именно ива и куст, неоднократно упоминаются в исторических и лирических песнях, а также в обрядовом фольклоре: «Ивушка, ивушка, зелёная моя, ах! Что же ты, ивушка, невесела стоишь?» [12, с. 35]; «Как шли, прошли парни молодые, / Два молодчика, ой да удалые, / Ой лели, лели, лели, лели под кусточком» [12, с. 20].

Известно, что мифологический образ дерева связан с Мировым Древом, соединяющим все три уровня [1, с. 292]. Куст же может являться фольклорным аналогом нижней части Мирового Древа [11, с. 194], то есть куст и дерево символизируют центр мира. Создавая образ старой ивы и куста ежевики, К. Паустовский не просто описывает мир природы – с помощью мифа он создаёт свою сказочную вселенную, в которой действуют духовные законы единения человека и природы.

Что касается животного мира, то, например, рыба в качестве чудесного помощника встречается во многих сказках, например, в сказке «По щучьему велению, по моему хотению», «Царевна лягушка», «Иван Быкович». Существует много народных примет и поверий, связанных с образом рыбы: «Як жэнчына поймае рыбу – забеременеет: Як судак, окунь – [родится] хлопец, як шчука – девочка» [3, с. 784]. Рыба является символом рождения и новой жизни в фольклоре, и подобное же воплощение получает в христианской традиции [5, с. 285]. В сказке К. Паустовского «Дремучий медведь» образ окуня также сыграл решающую роль в битве с антагонистом-медведем.

Стоит обратиться к анализу образов бобра и шмеля. Интересно, что бобр встречается в свадебных и обрядовых песнях: «Не лежи, чёрный бобёр, у крутых берегов, Не сиди, Савостьян-господин, во чужом пире». Шмель актуален для славянского фольклора и олицетворяет мужскую брачную символику: «Он хочет весной жениться на пчеле; пчела откладывает свадьбу на осень, когда отощавший шмель умирает» [3, с. 461].

Таким образом, фольклор с наибольшей полнотой сохранил первоначальное чувство причастности человека к природе. К. Паустовский, ориентируясь на устоявшиеся традиции фольклора, продолжает развивать идею тесного взаимодействия и сотрудничества человека и природы.

В сказке К. Паустовского «Артельные мужики» герои одержали победу над злом благодаря случаю-устроителю. Подобно юмористическим сказкам, где самого боя не происходит, а герой одерживает победу над вредителем с помощью хитрости, К. Паустовский конфликт сказки также разрешает комическим способом: петух, случайно спутав артельного мужика с жуком, принёс его прямо в горницу к Маше. Когда петух осознал свою ошибку и кинулся поднимать тревогу, было уже поздно, Маша воспользовалась волшебным поясом и приобрела силу, а зло потеряло над ней власть. Таким образом, именно петух выступает в роли стража Маши и поднимает тревогу в ситуации обнаружения врага. Интересно, что в народных поверьях петух обладает функцией предупреждающей и оповещающей: «Видеть во сне петуха озна-

чает мужество; поющего петуха видеть – значит радость и благополучие» [2, с. 352]. В народных сказках часто можно встретить «петушка-прорицателя». «В народе существовало убеждение: «Петух птица воздушная, по Божьему велению он кричит. <...>. В русском народном творчестве в целом за петухом закреплена роль воинственного и бдительного стража» [6, с. 102]. Существует несколько русских сказочных сюжетов («Петух и жерновцы», «Лиса, заяц и петух», «Кот петух и лиса», «Кочет и курица», «Зимовье зверей»), где петушок наделяется воинственной силой.

В произведениях К. Паустовского образ лягушки встречается дважды: в сказках «Квакша» и «Артельные мужики». Квакша, спасённая маленькой девочкой от гибели, в благодарность за доброе дело помогает людям избавиться от засухи. Выполняя функцию волшебного помощника, она обращается к ласточкам с просьбой пригнать грозовую тучу и тем самым способствует вызову дождя. Интересно, что в славянских поверьях образ амбивалентен: с одной стороны, существует примета, утверждающая позитивное символическое значение: «лягушки способны вызывать дождь» [3, с. 383]; с другой стороны, лягушка – «нечистое животное, родственное змее и другим гадам»; лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в змея [3, с. 380]. В мифопоэтике древних славян прослеживается взаимосвязь змея и лягушки (поверье о змее – охранительнице вод): «Водяной змей мыслится сидящим в прудах и водоёмах, в реках, морях и на земле. Но эти водоёмы одновременно служат входом в иное царство. Дорога в иное царство лежит через воду» [8, с. 344]. В сказке «Артельные мужики» лягушки охраняли болото, явившееся переправой в иное царство. Артельные мужики вынуждены преодолеть переправу в виде водного пространства (болота), а также в виде непроходимого тёмного леса, чтобы оказаться на «чужой» стороне. Ориентируясь на древнеславянский миф, писатель рассказывает, как лягушки помогают героям справиться с испытанием: «Поясок, милый дружок, построй через болото мосток! <...> вынырнули из ржавой воды зеленые лягушата. Было их великое множество – может быть тысяча, а то и все три. Лягушата растянулись цепью через болото, прижались друг к дружке и кричат: "Шагайте, мужички, смело! Мы вас не утопим!"» [7, с. 165]. Герои, беспрепятственно преодолев болото, охраняемое лягушками, прибыли в иное царство.

Прежде чем приступить к анализу сказки «Растрёпанный воробьишко», необходимо упомянуть об одном важном элементе поэтики К. Паустовского: «У К. Паустовского часты эпизоды, связанные с посещением концерта, картинной галереи, музея и театра, неизменно вызывающие настроение приподнятости, праздничности» [10, с. 109]. Помимо мотива силы воздействия природы на человека, одним из любимых мотивов писателя становится мотив чудесного воздействия искусства на человека. В своих сказках К. Паустовский также поднимает проблему искусства и его влияния на человека. В сказке «Растрёпанный воробей» тема театра вновь становится ведущей: главная героиня, мама Маши, работает в театре балериной. В память о Машинном отце, она хотела приколоть хрустальный букетик во время первого своего выступления в роли Золушки. Но ворона стащила букетик и уволокла его к себе в ларёк. Своего наивысшего напряжения действие в сказке достигается в тот момент, когда воробей после драки с вороной появляется на театральной сцене и возвращает букетик его владелице: «...в зрительный зал ворвался, поносившись и поплутав по театральным лестницам, маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки <...>. Воробей подлетел к Золушке. Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей в ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколотла его к своему платью. Дирижер взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья» [7, с. 139–140]. Введение в сюжет театральной тематики помогает автору не только усилить эмоциональное напряжение, но и опозитивировать, возвысить подвиг маленькой птички.

Волшебносказочное повествование в «Растрёпанном воробьишке», как и в предыдущих литературных сказках К. Паустовского, становится ведущим способом по-

вестования и тесно переплетается с мифопоэтикой древних славян. Так, в роли вредителя-антагониста в «Растрёпанном воробьишке» выступает ворона. В мифопоэтической картине мира русского народа «хитрость, кровожадность и разбой – характерные мотивы в представлениях о вороне» [3, с. 534]. Создавая образ вороны в сказке в духе народных традиций, К. Паустовский сопровождает образ лексическими единицами соответствующего характера: ворона «хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала», «утащила сахар», «таскала колбасу», «стукнула клювом по голове», «воровала не только у Маши, но и в других домах», «влезла в комнату», «воровато схватила стеклянный букет и вылетела». Писатель неслучайно называет ворону «разбойницей» [7, с. 131–136].

Функции волшебного помощника и героя в сказке К. Паустовского совмещаются в образе воробья. Маленькая птичка ради человека совершает подвиг, победив ворону в «открытом бою» и возвратив брошь из хрусталя её владельцам. В символике воробья А.В. Гура выделяет несколько аспектов, один из которых «связан с такими присущими воробью качествами, как лёгкость и проворство», поэтому воробьями разговаривались на Рождество [3, с. 589], а также «во сне воробья поймать означает приобретение нового знакомства» [3, с. 91]. Спасая воробья от голода и смерти, девочка приобретает в его лице надёжного друга, который в трудной ситуации благодаря «лёгкости и проворству», а также преданности и смелости, побеждает в открытом бою героя-антагониста ворону. Таким образом, зло в лице вороны побеждается смелым и проворным воробьишкой.

Таким образом, функциональное значение образов животных в сюжете литературных сказок К. Паустовского тесно связано с их мифопоэтическим значением. Идея единения человека и тотемного животного, актуальная для народной сказки и выраженная в образах животных, которые, как известно, выступают в роли волшебных помощников, преобразуется у К. Паустовского в мысль о единстве всего живого и о бесценности жизни. Обращение к традициям волшебной сказки и отразившихся в ней мифопоэтических поверий помогает К. Паустовскому также выразить идею дружбы между человеком и животным. Именно эту черту народной сказки подчёркивает В.Я. Пропп: «Единство между человеком и животным заменяется дружбой между ними, причём эта дружба основана на некотором договорном начале, основанном на взаимной помощи и пощаде» [8, с. 244].

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – Москва : Индрик, 1994.
2. Грушко Е. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е. Грушко, Ю. Медведев. – Нижний Новгород : Русский купец и Братья славяне, 1995. – 405 с.
3. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – 912 с.
4. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская и др.; под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2004. – 315 с.
5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – Москва : Владос, 1996. – 328 с.
6. Медриш Д. Н. Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура / Д. Н. Медриш. – Волгоград : Перемена, 1992. – 150 с.
7. Паустовский К. Заячьи лапы / К. Паустовский. – Москва : Детская литература, 2005.
8. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – Москва : Лабиринт, 1998. – 188 с.
9. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва : Русское слово, 1988. – 824 с.

10. Трефилова Г. П. К. Паустовский, мастер прозы / Г. П. Трефилова. – Москва : Высшая школа, 1983. – 302 с.
11. Юдин А. В. Русская народная духовная культура : учеб. пос. для студ. вузов / А. В. Юдин. – Москва : Высшая школа, 1999. – 331 с.
12. Грушко Е. Энциклопедия русских народных песен / Е. Грушко, Ю. Медведев. – Москва : Эксмо, 2002. – 554 с.

References

1. Afanas'ev A. N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: in 3 vol. Moscow, Indrik, 1994.
2. Grushko E., Medvedev Ju. Slovar' russkih sueverij, zaklinanij, primet i poverij. Nizhnij Novgorod, Russkij kupec i Brat'ja slavjane, 1995. 405 p.
3. Gura A. V. Simvolika zhivotnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii. Moscow, Indrik, 1997. 912 p.
4. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar' / I. S. Brileva, N. P. Vol'skaja et al., ed. I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh, D. B. Gudkov. Moscow, Gnozis, 2004. 315 p.
5. Makovskij M. M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskix jazykah: Obraz mira i miry obrazov. Moscow, Vlado, 1996. 328 p.
6. Medrish D. N. Puteshestvie v Lukomor'e. Skazki Pushkina i narodnaja kul'tura. Volgograd, Peremena, 1992. 150 p.
7. Paustovskij K. Zajach'i lapy. Moscow, Detskaja literatura, 2005.
8. Propp V. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Moscow, Labirint, 1998. 188 p.
9. Rybakov B. A. Jazychestvo drevnej Rusi. Moscow, Russkoe slovo, 1988. 824 p.
10. Trefilova G. P. K. Paustovskij, master prozy. Moscow, Vysshaja shkola, 1983. 302 p.
11. Judin A. V. Russkaja narodnaja duhovnaja kul'tura. Moscow, Vysshaja shkola, 1999. 331 p.
12. Grushko E., Medvedev Ju. Jenciklopedija russkih narodnyh pesen. Moscow, Jeksmo, 2002. 554 p.

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО В ТРУДАХ М.М. МОРОЗОВА И А.А. СМИРНОВА¹

Рябова Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, Пензенский государственный технологический университет, 440605, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11, e-mail: sva00@yandex.ru.

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет, 440605, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11, e-mail: ivb40@yandex.ru.

В статье осмысливается специфика подходов к творчеству Кристофера Марло ведущих советских шекспироведов 1930–1950-х гг. М.М. Морозова и А.А. Смирнова, проявившаяся, в частности, в восприятии исторической хроники «Эдуард II» в качестве вершины марловской драматургии, в стремлении обусловить создание произведений зарождением новых буржуазных отношений, акцентировать их демократическую направленность. Несомненной заслугой М.М. Морозова названо аргументированное установление фактов марловских влияний в шекспировском творчестве. Отмечается, что А.А. Смирнов как исследователь творчества Марло прошёл сложную эво-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».